

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРИРОДЫ КОНФЛИКТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

THE NOTION OF THE COMMUNICATORY TYPE OF CONFLICT UTTERANCE

Иваненко Г.С.

Челябинский государственный педагогический университет, г. Челябинск

В структуре лингвистической экспертизы при рассмотрении конфликтного текста ключевую роль играет вопрос об информационной природе высказывания. Необходимость разграничения фактуальных и оценочных сведений определила взгляд на модальность как на прагматическую категорию.

В последние годы в силу различных социально - политических и экономических причин участились информационные конфликты, разрешаемые в судебном порядке. Поскольку объектом рассмотрения в таких процессах является текст, закономерно обращение к лингвисту, осуществляющему научно обоснованный подход к предмету спора. Наиболее распространенный тип информационного конфликта рассматривается в рамках процессов по ст.152 ГК РФ о защите чести, достоинства, деловой репутации.

В компетенцию лингвиста входят задачи: определить, декодируется ли объективно реципиентами негативный смысл, выявленный истцом; относится ли эта информация непосредственно к пострадавшему лицу; является ли информация «утверждением о фактах», или же представляет субъективную позицию автора; выражена ли информация в «приличной» форме.

Одним из наиболее спорных является вопрос об информационной природе конфликтного высказывания. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» от 24.02.05. обозначена граница между правом на свободу слова и правом на честь и достоинство: «...следует различать имеющие место утверждения о **фактах**, соответствие действительности которых можно проверить, и **оценочные** суждения, мнения, убеждения..., которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности».

Таким образом, в юридической практике, требующей, в отличие от лингвистики, четких бинарных категорий, на настоящий момент сформировались противопоставленные характеристики суждения как **событийного** или как **оценочного**. От определения информационной природы текста, отнесения его к одной из этих двух категорий зависят правовые последствия для участников процесса.¹

Названия этих категорий следует воспринимать как определенную условность.

Событийные, или, как их еще называют по различной терминологии, **фактологические, фактуальные, описательные**, сведения сообщают о событиях, процессах, явлениях, ситуациях, произошедших в конкретных условиях места и времени, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического. Такая событийная, фактуальная информация либо соответствует, либо не соответствует действительности, подвергается верификации и в случае недоказанности считается порочащей. По решению суда порочащие сведения опровергаются в СМИ, их распространившем. Вопрос о соответствии сведений действительности в компетенцию лингвиста не входит, его задача ограничивается самим вычлениением из текста этой информации.

Вторая группа сведений представляет собой **мнения, оценки**, прогнозы, версии, предположения, концепции, выражение **отношения** к событиям, явлениям. Объединим эту группу сведений субъективного характера условным названием «**оценочные**». **Оценочные** суждения являются средством авторского самовыражения и потому не подвергаются идентификации действительности, а соответственно, не могут быть ни лживыми, ни порочащими. В соответствии с Законом о СМИ суждения обозначенной категории являются неотъемлемым журналистским правом и не опровергаются, а оспариваются в печати в порядке полемики.

Таким образом, перед лингвистом стоит задача - определить характер сведений, то есть разграничить **фактологические (фактуальные)** сведения, проверяемые судом на предмет достоверности и в случае несоответствия действительности опровергаемые, и сведения – **мнения**, сведения – **оценки**, не подвергаемые проверке на предмет достоверности и не опровергаемые, а оспариваемые в печати.

Однако и для лингвиста решение проблемы далеко не очевидно, поскольку современные научные взгляды не принимают разделения информации на две антагоничные группы. В лингвистике давно уже стало

¹ Материал подготовлен при поддержке РГНФ (проект № 05-03-85310 а/У)

общепринятым пониманием высказывания как комплексного выражения объективного и субъективного начал. То есть юридические категории фактуальности и оценочности, а соответственно, требования правовой системы к лингвистической экспертизе противоречат лингвистическим представлениям о комплексной реализации собственно номинативного и прагматического компонентов и приводят к междисциплинарному конфликту. Поэтому далеко не всегда ответ на вопрос, является ли суждение **утверждением** о каких-либо событиях, то есть является ли оно **фактуальным (фактологическим)**, очевиден.

Разрешение правового конфликта требует установления критериев отнесения информации к одной из двух названных категорий, что обуславливает обращение к теории модальности и дальнейшую ее разработку применительно к обозначенной правовой проблеме.

Многие лингвисты - эксперты кладут в основу дифференциации сведений на фактуальные и оценочные концепцию В.В.Виноградова (1), разделяющую грамматическую модальность на объективную и субъективную. Объективная модальность выражает отношение содержания предложения к действительности в плане реальности – ирреальности грамматическими средствами синтаксических форм наклонения.

Реальная модальность выражается формами изъявительного наклонения, реализующегося в трех временных планах. Нереальная (ирреальная) модальность выражается формами условного и повелительного наклонений, характеризующихся временной неопределенностью и преподносящих информацию как нечто желаемое или требуемое. Объективно-модальное значение обязательно для каждого предложения, является его константной характеристикой.

Помимо объективной модальности, предложение может содержать и субъективную модальность, отражающую отношение говорящего к высказываемому, выраженную разнообразными языковыми средствами: вводными словами, модальными частицами, междометиями, определенным порядком слов, интонацией.

Казалось бы, эта точка зрения очень удобна для осуществления необходимой нам дифференциации, так как объективную модальность в лингвистике можно соотнести с фактуальностью в праве, а субъективную модальность – с оценочностью. Однако попытка на практике использовать такой подход показала, что концепция эта не позволяет классифицировать целый ряд языковых явлений. Позиция, согласно которой условное и повелительное наклонения соотносятся с ирреальной модальностью, при рассмотрении конкретных конфликтных текстов совершенно неоправданно расширяется до утверждения о неспособности этих грамматических форм передать сообщение об имевших место событиях. Конечно, имевших место в преподнесении прагматического субъекта. Соответствие действительности предстоит еще верифицировать. Главная задача филолога – установить сам факт возможности такой верификации.

Основанная на классической теории модальности методика лингвистической экспертизы при рассмотрении судом дел о защите чести и достоинства (2,6) предлагает рассматривать как событийные только те высказывания, которые удовлетворяют следующим лингвистическим критериям: имеют грамматическую форму повествовательного предложения (но не побудительного и не вопросительного); являются описательными высказываниями, не содержат маркеров субъективной модальности.

Анализ языкового материала показал, что критерии грамматической категории модальности в ее классическом понимании, в соответствии с которым объективная реальность - ирреальность определяется практически только формой наклонения глагола, не помогают соотнести высказывание с действительностью.

Я прошу вас сделать это - изъявительное наклонение определяет реальную модальность. *Я просил бы вас сделать это* - условное наклонение в значении повелительного (Сделайте это) или изъявительного (Я прошу вас сделать это). *Сделайте это, пожалуйста* - повелительное наклонение глагола определяет ирреальную модальность предложения. Перед нами синтаксически синонимичные конструкции. При всех стилистических различиях, обусловленных различием грамматических форм, собственно смысл, отражающий интенцию говорящего, идентичен.

Помогает ли синтаксическая категория модальности соотнести высказывание с действительностью? Как видим, ни коим образом.

В некоторых работах (3) пересматриваются границы объективной и субъективной модальности, но формоцентрический характер описываемого направления в толковании модальности исключает творческий или утилитарный подход прагматического субъекта к отражению действительности в речевом акте. О возможности же такого несовпадения свидетельствуют модальные транспозиции.

Существует взгляд на модальность (4), отвергающий ее разделение на объективную и субъективную и унифицирующий модальность до объективно-относительной категории. Хотя при таком понимании модальности говорящий субъект ставится в зависимость от языковой формы позиции, и его возможности видения и описания мира ограничиваются возможностями грамматической категории, а фактуальное и оценочное недифференцированно сливаются, представляется ценной мыслью о взаимодействии объективного и субъективного в языковой форме высказывания.

Представляется продуктивным в свете разрешаемой проблемы взгляд на модальность (5), дифференцирующий понятия: содержание действительности, неязыковая репрезентация, намерение субъекта, переводящего в языковую форму понятийно - мыслительный образ действительности. В соответствии с таким подходом коммуникативно-пропозициональное содержание высказывания формируется в противоречии и единстве двух его компонентов – семантического (отраженного в сознании и селектированного для языкового

оформления содержания действительности) и прагматического (интенции, или авторского намерения, и способа языковой репрезентации неязыкового содержания).

Несмотря на разнообразие подходов к рассматриваемой категории, модальность синтаксическая в общих чертах определяется как «*выражение отношения содержания предложения к действительности*». Следует добавить: с позиции автора высказывания. Такое определение модальности не соответствует ее формально-грамматическому характеру. Есть смысл посмотреть на модальность как на категорию прагматическую и предоставить ей охарактеризовать высказывание с позиций реальности/ирреальности в ином ракурсе. Исходя из положения, что кодировка и декодировка информации в идеале должны совпадать, поставим вопрос, на который должна ответить модальная характеристика: *воспринимается ли высказывание как сообщение о реальных событиях, или же информация отражает авторское представление о действительности?* Категория модальности призвана дифференцировать различные типы отношения высказывания к действительности. По каким критериям? Назовем реальным то, что имеет проявление в действительности, а ирреальным - не реальное, а внереальное, то есть не отсутствующее, а не имеющее проявлений. В таком свете реальное будет соотноситься с объективным (с точки зрения говорящего), а ирреальное - с субъективным. Посмотрим на модальность как на категорию, которая дифференцирует «сообщения о фактах» и «сообщения о мнениях», что вполне соответствует определению модальности и обусловленными этим определением целями. Естественно, реальное является реальным только в преподнесении отправителя информации и, соответственно, в восприятии получателя. Соответствие реального высказывания действительности проверяется не лингвистическими методами. Прагматическая категория модальности характеризует реальность/ирреальность в свете прагматического субъекта и, следовательно, в свете восприятия реципиентом. При определении модальности высказывания следует учитывать многие факторы.

1. Необходимо учитывать возможность модальных транспозиций: *Если бы выделенные деньги пошли действительно на ремонт отопительных труб!* В форме сослагательного наклонения выражается сообщение о событии – нецелевом использовании средств (деньги пошли не на ремонт отопительных труб).

2. В высказывании может сочетаться реальное и ирреальное: *Если бы налоги были уплачены своевременно, не пришлось бы платить штраф.* Как мы отразим отношение высказывания к действительности, охарактеризовав его модальность, в соответствии с традиционной концепцией, как ирреальную? В предложении сосуществует сообщение о виртуальной модели и о реальной. Ирреально представление позитивного сценария развития событий. Реально сообщение о неуплате налогов.

Если бы выбрали X, строительная политика была бы другой. Ирреальная модальность отражает предположительный характер высказывания, однако и оно содержит утверждение: *X не выбрали.* Необходимо учитывать, что высказывание может относиться к плану прошлого (констатация) или будущего (пожелание). Для этого необходим контекст, пресуппозиция, без чего адекватная декодировка не осуществится.

Если выберут X, строительная политика будет другой. Следуя классической концепции, мы должны в данном случае характеризовать модальность как реальную. Но ведь в одном из смыслов (предположение, прогноз) предложение синонимично предыдущему.

Высказывания в форме условного наклонения: *Если бы руководитель использовал средства по назначению, проблемы не возникли бы* - совершенно необоснованно предлагают относить к категории «мнения» журналиста на основании такой характеристики, как нереальная объективная модальность. Очевидно, что соотношение высказывания с действительностью не определяется только формой наклонения: в приведенном примере предполагается, что проблемы не возникли бы при определенных условиях, но при этом утверждается, что руководитель использовал средства не по назначению.

3. Необходимо учитывать, что не только сложное, но и простое предложение может иметь несколько информативных блоков, имеющих разное отношение к действительности. Так, в простом предложении с глаголом в повелительном наклонении

Посмотрите на этого человека, положившего в карман государственные средства! призыв посмотреть на человека (формальный, ирреальный и по соотношению с действительностью, и по выражению истинного прагматического намерения говорящего), будучи грамматически главным элементом, сочетается с грамматически второстепенным, но семантически и прагматически определяющим сообщением о том, что «этот человек положил в карман государственные средства».

4. Грамматическая теория модальности не учитывает экстралингвистических факторов. Так, форма будущего времени, как и само будущее вне его языкового осмысления, имеет иное отношение к действительности, чем прошедшее и настоящее. Объединенные формой наклонения как лингвистической категорией, три формы времени противопоставлены отношению реальности – ирреальности сообщения в свете модальности как категории прагматической. С прагматических позиций суждение в форме будущего времени всегда прогноз, предположение и для автора суждения, и для реципиентов, а следовательно, должно квалифицироваться в судебной практике как мнение: *Такая политика «X» приведет нас к краху; Чиновники положат эти деньги в карман, а на субсидии ничего не останется.* В приведенных суждениях содержится не утверждение об уже свершившихся событиях, а авторский прогноз относительно их развития, имеющий право на существование. Подобная информация в силу своего прогнозирующего, а следовательно, субъективного характера не может быть проверена на предмет соответствия действительности, во всяком случае в момент возникновения.

Но и форма будущего времени не является гарантом отсутствия сообщения об имевших место в действительности событиях. Незначительное изменение ранее приведенного предложения – включение союза «и»- изменяет информационную природу суждения: *Чиновники положат в карман и эти деньги, а на субсидии ничего не останется.* Наряду с сообщением о мнении-прогнозе автора относительно будущего содержится имплицитное сообщение о неких других деньгах, уже положенных в карман. Модальность предположительная и утвердительная сосуществуют в сообщении, одна – эксплицитно, другая – имплицитно. В предложении содержится утверждение о том, что какие-то деньги уже положены в карман.

5. Лексическое значение ряда слов имеет прямое отношение к соотношению содержания высказывания с действительностью. Модальные слова определяют виртуальность высказывания. Это сообщения о возможности, желании, намерении, которые, описывая скрытую сферу психологии, не могут быть проверены на предмет достоверности: *Новый директор не способен выполнить эту работу; Редактор не хочет искать выход из положения.*

6. Даже одно слово может сочетать реально-объективное и ирреально-субъективное начала. Возможность совмещения собственно номинативного и коннотативного значений в одной языковой единице зачастую не учитывается участниками процесса, что приводит к необъективному решению. Наличие показателей субъективизма совершенно необоснованно признают показателем отсутствия объективной соотнесенности с действительностью и, соответственно, непроверяемости, не учитывая, что коннотативность накладывается на номинативность, и языковая единица обозначает вполне конкретные реалии действительности, проверяемые на предмет достоверности.

Так, слово «паразитировать» коннотативно, образно и оценочно, но это не значит, что оно никак не соотносится с денотатом. В контексте метафоры *«паразитировать на теле государства»* рассматриваемая лексема обозначает «использовать государство в целях личного обогащения».

Например, во фразе *Я обязательно верну городу «украденные» у него «Техсоюзом» деньги* слово *«украденные»* употреблено в метафорическом значении, что очевидно и из его заключения в кавычки, и из контекста, из которого следует, что речь идет не о краже в прямом смысле, а о неуплате предприятием налогов, что автор образно называет кражей. Эти доводы позволили, на наш взгляд, неправомерно, квалифицировать высказывание как мнение, оценку, что исключает какие-либо правовые последствия для ответчика. Однако необходимо учитывать, что любая метафора содержит, помимо образной составляющей коннотации, еще и собственно номинативное ядро, соотносимое непосредственно с денотатом. В приведенном контексте слово *«украденные»* имеет номинативное значение «незаконно не внесенные в бюджет города», и именно это номинативное значение и должно доказываться автором высказывания, и в случае недоказанности оно должно быть квалифицировано как порочащее деловую репутацию компании. Таким образом, метафоричность выражения не означает отсутствия содержания, подлежащего доказыванию. К сожалению, на настоящий момент нередки случаи нерассмотрения суждений, имеющих образную природу, на предмет соответствия действительности, что объясняется непониманием двойственной природы таких единиц, сочетающих номинацию с коннотацией.

Таким образом, с лингвистических позиций фактуальность и оценочность естественным образом сочетаются в одной языковой единице, а юридически они должны быть разграничены. Разрешение этого конфликта заключается в изменении подхода к определению информационной природы сведений. Дифференцировать следует не фактуальные и оценочные языковые единицы, а **фактуальное и оценочное в языковой единице**. Иными словами, лингвист должен сквозь коннотацию и авторский субъективизм увидеть содержательно-номинативную сущность слова, высказывания, текста, и предложить суду конкретные положения для проверки на предмет соответствия действительности.

Такой подход снимает междисциплинарный конфликт и позволяет реально объективировать подход к делам рассматриваемого типа. В ходе лингвистической экспертизы должен быть выяснен вопрос: содержится ли в распространенной информации событийный компонент, подлежащий проверке, или сведение имеет исключительно оценочный характер.

Так, в высказывании *«Политик юрко прошмыгнул в боковую дверь, спасаясь от задававшей вопросы толпы»* объективным, то есть утверждаемым является сообщение о том, что политик не стал встречаться с людьми, не ответил на их вопросы, ушел. Этот элемент высказывания соотносится с действительностью как реальный (в преподнесении автора), и он может быть верифицирован. Все же оценочное, стилистическое отражает восприятие автора: какую скорость движения и его манеру следует считать соответствующими слову «прошмыгнул»? можно ли то действие, которое совершил политик, назвать этим словом? в судебном разбирательстве невозможно найти ответы на эти вопросы. Таково видение журналиста, и оно непроверяемо.

Итак, анализ конкретного языкового материала показал, что при определении информационной природы конфликтного высказывания вполне оправдано прагматическое понимание модальности как категории, соотносящей высказывание с действительностью, в новом ракурсе. При таком подходе ответ на вопрос: какова модальность высказывания? - представляет собой не односложную характеристику, а описание информации с классификацией компонентов ее смысла на объективно-реальные и субъективно-виртуальные, сочетающиеся в речевом целом. Реальность / ирреальность могут быть определены только при комплексном рассмотрении всех языковых фактов высказывания. Одно и то же высказывание может содержать информацию о фактах действительности и информацию ирреально-субъективную. Дифференциация и описание этих компонентов и

входит в компетенцию лингвиста при осуществлении лингвистического анализа текста в целях объективации судопроизводства при рассмотрении конфликтного высказывания.

Литература:

1. Виноградов ВВ. *О категории модальности и модальных словах в русском языке* // Труды института русского языка АН СССР. М.-Л., 1950. Т.2.
2. Губаева Т, Муратов М., Пантелеев Б. *Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации* // Российская юстиция, 2002. N 4.
3. Ломов АМ. *Очерки по русской аспектологии* // Воронеж, 1977.
4. Степанов ЮС. *В поисках прагматики* // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ. 1981, №4.
5. Фефилов АИ. *Модально – прагматическая интерпретация чужого высказывания* // Филологические науки. 1991. №1, С.64-73.